

Д. М. Кукин принимал участие в написании III тома «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», получившего высокую оценку научной общественности. В настоящее время Д. М. Кукин руководит авторским коллективом IV тома истории КПСС.

Д. М. Кукин является заместителем председателя Главной редакции многотомной истории КПСС и одним из авторов I тома истории КПСС.

Членом-корреспондентом АН СССР по специальности «История СССР» избран директор издательства «Наука», доктор исторических наук А. М. Самсонов. А. М. Самсонов родился 8 мая 1908 года. Он автор трудов по истории советского общества, среди которых видное место занимает монография, посвященная битве на Волге. В книге «Великая битва под Москвой» освещено величие подвига советского народа, который под руководством Коммунистической партии сумел создать перелом в ходе военных действий зимой 1941 г. и нанести немецко-фашистской армии первое крупное поражение в истории второй мировой войны. В военно-историческом труде «От Волги до Балтики» показан боевой путь 3-го гвардейского механизированного корпуса во время Великой Отечественной войны и героизм его воинов.

А. М. Самсоновым написан и ряд других книг, брошюр, а также серия исследовательских статей. А. М. Самсонов принимает участие в создании коллективных трудов: «Всемирная история» (том X), «История СССР с древнейших времен до наших дней» (том X).

Членом-корреспондентом АН СССР по специальности «Всеобщая история» избран главный редактор журнала «Вопросы истории», доктор исторических наук профессор В. Г. Трухановский. В. Г. Трухановский родился 15 июля 1914 года. Он специалист в области новейшей истории стран Запада. Им созданы такие труды, как «Новейшая история Англии, 1917—1951 гг.», «Внешняя политика Англии после второй мировой войны», «Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма, 1918—1939 гг.», «Очерки новейшей истории Англии, 1917—1963 гг.».

В. Г. Трухановский участвует в создании крупных коллективных трудов. Под его руководством и с его участием в Институте международных отношений, где он руководит кафедрой, подготовлена и издана трехтомная «История международных отношений и внешней политики СССР». Он является соавтором и одним из редакторов VIII тома «Всемирной истории». С марта 1960 г. В. Г. Трухановский работает главным редактором журнала «Вопросы истории».

Наряду с научно-исследовательской работой В. Г. Трухановский принимает участие в подготовке молодых научных кадров; он является заместителем председателя Национального комитета историков СССР, вице-президентом Всемирной федерации ассоциаций содействия ООН.

Членом-корреспондентом АН СССР по специальности «Археология» избран ученый-археолог, доктор исторических наук профессор А. П. Окладников. А. П. Окладников родился 13 октября 1908 года.

А. П. Окладников работает в основном в области изучения прошлого сибирских народов: якутов, бурят и дальневосточных народов; результатом этих исследований являются его труды: «Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству», «Очерки по истории западных бурят», «Далекое прошлое Приморья» и ряд других.

На основе долговременных работ в долинах рек Енисея, Лены, Ангара, Оленги, Амура и в Приморье А. П. Окладниковым выявлены локальные культуры неолитической эпохи, а также распространение и обмен древнейших культур Сибири и Дальнего Востока. Его исследования остатков культуры мустьерского времени и неандертальского человека были удостоены Государственной премии.

А. П. Окладникову присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР и ЯАССР.

В настоящее время он участвует в создании многотомной истории Сибири с древнейших времен до настоящих дней.

ОБСУЖДЕНИЕ ОДНОЙ КОНЦЕПЦИИ О ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

4—6 мая в Отделении истории АН СССР состоялось обсуждение некоторых вопросов, касающихся времени создания и авторства «Слова о полку Игореве». Оно было проведено в связи с предпринятой доктором исторических наук А. А. Зиминным попыткой в отличие от установившегося в науке мнения, что «Слово» — памятник древнерусской литературы, датировать его создание более поздним временем — XVIII веком. В обсуждении приняли участие историки, археологи, текстологи, литературоведы, лингвисты, востоковеды — представители всех тех специальностей, которые имеют непосредственное отношение к изучению важнейших аспектов, связанных с этим литературным памятником. Среди тридцати двух выступавших были акад. Б. А. Рыбаков, члены-корр. АН СССР А. В. Арциховский, Д. С. Лихачев, Ф. П. Филин, акад. АН УССР Н. К. Гудзий, доктора наук Н. А. Баскаков, Н. И. Голенищев-Кутузов, А. П. Евгеньев, В. Д. Кузьмина, Ф. И. Прийма и другие. Кроме того, были оглашены письма акад. М. Н. Тихомирова, члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц и П. Н. Беркова.

Считая «Слово» произведением XVIII в., А. А. Зимин полагает, что тем самым русская литература этого столетия «обогащается шедевром, показывающим литературные связи этого времени с новой стороны», и что «глубокие народные корни и передовые идеи «Слова» ставят его в начале целого ряда замечательных поэтических произведений в русском народе и его далеком прошлом».

Возражая ему в ходе обсуждения, Д. С. Лихачев говорил, что датировка памятника — вопрос большой значимости. Всякое произведение искусства воспринимается в определенном историческом окружении других одновременных ему памятников искусства. Поэтому передатировать «Слово» нельзя без ущерба для его идейной и эстетической ценности. В XII в. это — произведение огромной идейной силы, призывавшее к единству, обличавшее усобицы князей. Его общественный пафос огромен, и только в связи с ним можно оценивать его эстетическую ценность. В XVIII в. это произведение оказалось бы стилизацией, литературной безделушкой. «Объявить тот или иной памятник подлинным или поддельным, созданным не в ту, а в другую эпоху, — продолжал Д. С. Лихачев, — это значит коренным образом изменить к нему отношение, коренным образом пересмотреть вопрос о его ценности, иначе понять его идейное содержание, его роль в историко-литературном процессе. Я вынужден это сказать, потому что А. А. Зимин утверждает, что, убирая прекрасное произведение из XII в., он «дарит» его XVIII веку».

В ходе обсуждения было показано, что концепция А. А. Зимина в своих главных чертах повторяет концепцию французского исследователя А. Мазона. И тот и другой считают, что «Задонщина» в ее Пространной редакции повлияла на «Слово», полагая при этом, что Пространная редакция «Задонщины» написана значительно позже Краткой редакции¹. Как А. А. Зимин, так и А. Мазон утверждают, что «Слово» возникло в последней четверти XVIII века. Оба сходно характеризуют многие особенности языка и стиля «Слова», а также цели его создания: оправдание «империализма Екатерины» — по А. Мазону, «набатный призыв» к завоеванию новых территорий на юге — по А. А. Зимину. А. Мазон первоначально считал, что автором «Слова» был А. И. Мусин-Пушкин или кто-то из его современников; в связи с вопросом о времени создания «Слова» он проявлял значительный интерес к деятельности ярославского архимандрита Иоилы Быковского, предполагаемого первого владельца рукописи «Слова». А. А. Зимин прямо утверждает, что этот архимандрит и был автором «Слова», а затем в написанный им текст были сделаны некоторые вставки Мусиным-Пушкиным.

¹ Далее употребляется терминология А. А. Зимина: «Краткая» (список Кирилло-Белозерский) и «Пространная» (все остальные списки) редакции, хотя этой терминологии придерживаются не все исследователи.

Итак, обе концепции очень близки, и поэтому, как показал в своем выступлении Д. С. Лихачев, «частные различия с концепцией Мазона не дают А. А. Зимину права с такой решительностью отвергать свою зависимость от Мазона и осуждать приемы его работы, как это делает А. А. Зимин». Вместе с тем отмечались и некоторые отличия концепции последнего от работы А. Мазона. Одним из них является то, что он опирается на собственное текстологическое сличение Пространной и Краткой редакций «Задонщины» и сличение «Задонщины» со «Словом», тогда как А. Мазон ограничивался по преимуществу ссылками на наблюдения своего ученика, чешского ученого Я. Фрчека.

В заключительном слове А. А. Зимин говорил, что его и А. Мазона разделяют прежде всего методологические основы исследования. «Для меня, как историка-марксиста, главное — социально-политическое содержание «Слова», его органическая связь с идейной борьбой конца XVIII века. Для Мазона — это «пастиш» (стилизация), который навеян Оссианом, преисполнен галлицизмами и т. п., то есть не органическое явление русской литературы, а навеянное иноземными влияниями. Это решающее, основное». А. А. Зимин сказал далее, что «Слово» — загадка с пятью ключами: один из них был намечен Фрчеком и отчасти Мазоном. Это тезис о Пространной редакции «Задонщины» как источнике «Слова». Четыре остальных предложены им, А. А. Зимин: «1) источник исторических сведений «Слова» — Ипатьевская и отчасти Кенигсбергская летописи, а не Татищев, как считает А. Мазон; 2) языковой строй памятника, в том числе ориентализмы (у А. Мазона все время речь идет о прямой модернизации языка в духе XVIII в., галлицизмах и т. д.; от разгадки ориентализмов он уклонился); 3) загадка приписки к псковскому Апостолу или вставок Мусина-Пушкина (А. Мазон ошибочно считал, что речь идет об «общем месте» древних памятников, но ни одного памятника подобного рода не привел); 4) автор «Слова» — Иоиль Быковский (для А. Мазона автором был кто-то из издателей)». Впрочем, А. А. Зимин заметил, что, по имеющимся у него сведениям, в последнее время и А. Мазон склонен считать Иоиля автором «Слова».

Как говорилось выше, одно из главных доказательств позднего происхождения «Слова» А. А. Зимин усматривает в текстуальной зависимости его от «Задонщины». В этой связи он уделил значительное внимание текстологическому анализу «Задонщины».

История этого памятника, по его мнению, такова. В конце XIV в. возникает устная «Задонщина» Софония Рязанца. Затем где-то около 70-х гг. XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре старец Ефросин записывает «Задонщину» Софония. При этом было исполнено по крайней мере два списка. Один из них — не дошедший до нас протограф Краткой редакции — имел небольшие отличия от Кирилло-Белозерского списка (в нем не было вставочной даты битвы, возможно, иначе звучало заглавие и т. д.). В конце XV в. на основе «Задонщины» Краткой редакции и «Слова о Мамаевом побоище» возникает «Сказание о Мамаевом побоище». В 20—30-х годах XVI в. возникает протограф Пространной редакции. Один из списков Синодального извода этой редакции и лег в основу «Слова». Впоследствии этот список, по гипотезе А. А. Зимина, исчез².

Внешняя обстоятельность текстологического анализа А. А. Зимина вызвала положительную оценку у некоторых историков и литературоведов. Так, С. Н. Азбелев (Институт русской литературы АН СССР), признав, что некоторые частные утверждения вызывают у него сомнения или возражения, тем не менее заявил, что все «основные доводы А. А. Зимина представляются вполне обоснованными текстологически». Я. С. Лурье (Институт русской литературы АН СССР) также отозвался о текстологических наблюдениях А. А. Зимина как о наиболее интересных.

² В настоящее время известны следующие списки «Задонщины»: 1) Кирилло-Белозерский (далее в ряде случаев обозначается К-Б), впервые издан в 1858 г.; 2) Список Ундольского (У), издан в 1852 г.; 3) Синодальный список (С), издан в 1890 г.; 4) Список ГИМ, Муз. собр. № 2060 (И-1) и 5) Список ГИМ, Муз. собр. № 3045 (И-2), изданы в 1947—1948 годах.

Однако в выступлениях других участников обсуждения были вскрыты серьезные ошибки этих текстологических построений. Прежде всего было обращено внимание на то, что реконструкции текстов созданы совершенно произвольно. Д. С. Лихачев привел, в частности, такой пример: в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» читается неоконченная фраза «От той рати и до Мамаева побоища». А. А. Зимин ее «заканчивает», но берет для этого не другие списки «Задонщины», где эта фраза закончена вполне естественно — «лет 160», — а произвольно выбранный текст из совершенно другого произведения — «Сказания о Мамаевом побоище». Фраза эта, послужившая основой для исправления, читается в «Сказании» в другом контексте, и не в начале произведения, как в «Задонщине», а в середине. В одной из редакций «Сказания» она читается следующим образом: «От тоа бо Галадцкыа беды и великого побоища татарского и ныне еще Руская земля уныла и не имать уже надежи ни на кого, токмо на тебя, всемилостиваго бога, можеша бо жывити и мертвити». На основании нескольких слов из этой фразы А. А. Зимин дает новый текст: «От Калагъския рати и до Мамаева побоища Русская земля уныла», — не имеющий ничего общего ни с Кирилло-Белозерским списком, ни с приведенной фразой из «Сказания». По мнению А. А. Зимина, этот текст читался в несохранившемся протографе Кирилло-Белозерского списка. Создание таких «реконструкций», по словам Д. С. Лихачева, не может быть названо иначе, чем сочинительством.

«Нарушается, — как отметил последний, — и другой текстологический принцип, выдвинутый еще А. А. Шахматовым, — принцип анализа текста в его целостности. А. А. Зимин не только не определяет характер ошибок, изменений и других особенностей текста каждого списка, но не характеризует даже устанавливаемые им изводы Пространной редакции — извод Ундольского и извод Синодальный. Оба извода без их анализа соединяются в одну произвольную реконструкцию Пространной редакции. Причем характерно, что, признав извод Синодальный лучше сохраняющим древнейшие чтения, он кладет в основу своей реконструкции список другого извода — извода Ундольского — список И-1, заявляя, что он полнее других и наиболее древний (имеется в виду сама рукопись, а не ее текст). Из этого видно, что рассматриваемые принципы реконструкции далеки от стремления опереться на историю текста».

Д. С. Лихачев показал, что в целом ряде случаев при сопоставлении текстов А. А. Зимин пользуется не реальными списками, а им же самим созданными реконструкциями. Опираясь на них при анализе тех текстов, на которых эти реконструкции основываются, А. А. Зимин как бы сам создает тексты, а затем сличает эти тексты и торжествует победу своей концепции. Так, характеризуя Краткую редакцию и Кирилло-Белозерский список, ее представляющий, он утверждает, что «говорить о механическом сокращении текста в К-Б совершенно невозможно». Но для доказательства этого он сравнивает реконструкцию Пространной редакции не с Кирилло-Белозерским списком, а со своей реконструкцией протографа Краткой редакции.

Полемизируя с ним, О. В. Творогов (Институт русской литературы АН СССР) говорил, что реальность существования этого протографа ничем не доказывается. Предположить его существование автору пришлось потому, что Кирилло-Белозерский список имеет ряд дефектов. По мнению выступавшего, большинство из них — это следы того, что в Кирилло-Белозерском списке сокращен текст Пространной редакции. Но А. А. Зимин исправляет дефекты текста Кирилло-Белозерского списка, произвольно выбирая отдельные слова из Пространной редакции и даже из «Сказания о Мамаевом побоище», а полученный таким образом «улучшенный» текст использует дальше для сопоставлений с той же Пространной редакцией.

Как сообщил в своем выступлении Л. А. Дмитриев (Институт русской литературы АН СССР), текстологическое сопоставление списков «Задонщины», заново произведенное сотрудницей сектора древнерусской литературы Р. П. Дмитриевой, привело ее к выводу, что все дошедшие до нас тексты «Задонщины» представляют собой уже позднейшие переработки этого памятника; А. А. Зимин не смог, по ее

мнению, доказать, что Краткая редакция является первоначальным текстом «Задонщины».

Возражая против реконструкции А. А. Зиминим протографа Пространной редакции, О. В. Творогов напомнил, что Синодальный список имеет несколько чтений, сходных с чтениями Кирилло-Белозерского списка. Отмечает это и А. А. Зимин, не придавая данному факту никакого значения. Между тем наличие общих чтений между этими списками приводит к выводу о существовании текста, родственного как Синодальному, так и Кирилло-Белозерскому спискам. Правда, большинство примеров, говорящих о близости этих списков, могло бы уложиться в схему взаимоотношений списков «Задонщины», предложенную А. А. Зиминим, но при одном условии: нужно было бы считать, что архетип Пространной редакции лучше всего отразился в Синодальном списке в тех случаях, когда последний сходен с Кирилло-Белозерским, а отличия остальных списков в этих чтениях объявить особенностями извода Ундольского. Но и это не спасает положения, поскольку имеется случай, когда Кирилло-Белозерский и Синодальный списки отразили, несомненно, сходное вторичное чтение. Во фрагменте, где Дмитрий и его брат называются гнездом Владимира Киевского, в Кирилло-Белозерском списке читается: «Досюды есмя были, брате, никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни белу кречету...» Как видно, первая часть фразы синтаксически не согласована со второй. Сходный текст с той же ошибкой в согласовании читается и в Синодальном списке: «Доселя есмо были не обижены ни от кого ни ястребу, ни соколу, ни белозерскому кречету...» Естественно, что и в реконструкции архетипа Пространной редакции должен читаться сходный текст, если исходить из принципов, которые выдвинуты самим же А. А. Зиминим³.

Однако, нарушая эти собственные принципы, А. А. Зимин вносит в реконструкцию архетипа Пространной редакции текст, исправленный по списку Ундольского: «Ни в обиди есмя были по рождению ни ястребу, ни соколу, ни кречету, ни черному ворону, ни тому же псу, поганому Мамаю». Текст синтаксически правильный, но сразу же вызывающий два вопроса: откуда в Синодальном списке оказался текст, сходный с Кирилло-Белозерским? Как могло вообще получиться, что в «Слове о полку Игореве» отразился текст, исправленный изводом Ундольского, тогда как, если верить А. А. Зимину, «Слово» основано на списке Синодального извода, содержавшего как раз ошибочный текст?

О. В. Творогов рассмотрел далее фрагмент: «На Москве кони ржут, звенит слава...», являющийся, по его мнению, одним из наиболее важных для уяснения истории текста «Задонщины». Анализ этого фрагмента А. А. Зиминим вызывает ряд вопросов. Так, непонятно, почему он оперирует тремя разными реконструкциями этого фрагмента. Почему в реконструкции и ее воспроизведении не учитываются все разночтения Синодального списка? Непонятно, почему утверждается, что фраза «звенит слава по всей земли русской» логичнее помещена в Краткой редакции, если она точно так же помещена и в Синодальном списке Пространной редакции? Почему, доказывая, что вся Пространная редакция ближе к «Слову», А. А. Зимин рассматривает не свою реконструкцию, а один из списков (И-1) с подведенными к нему вариантами по тому же списку? Наконец, не ясно, на чем основано утверждение, что Синодальный список ближе к «Слову», чем И-1, если «Слово» и Синодальный список сближает лишь порядок слов в первой фразе фрагмента, а с изводом Ундольского — весь порядок эпизодов в этом же фрагменте.

Такое же недоумение вызывает, по словам О. В. Творогова, и текстологический анализ А. А. Зиминим ряда других фрагментов «Задонщины». Его ошибочные положе-

³ Чтения списка И-1, положенного в основу реконструкции, исправляются им в двух случаях: если они индивидуальны, то есть присущи только этому списку, или если воспроизводят специфические особенности Ундольского извода (списков И-1, И-2, У), а не архетипа редакции. И далее: чтение списка И-1 заменяется чтением списка С в том случае, если списки И-1, И-2, У дают индивидуальное или изводное чтение, не восходящее к архетипу редакции. Списку С оказывается предпочтение в том случае, если его чтение совпадает с К-Б, что свидетельствует о его архетипном происхождении.

ния ведут к принципиально ошибочным выводам. Так, его утверждение, что «в «Слове» нет ни одного чтения, передающего особенности извода Ундольского, то есть такого, которого не было бы в протографе Пространной редакции и в протографе Синодального извода и которое составляло бы общую особенность списков Ундольского и Исторического музея, не повторяющуюся с Кирилло-Белозерским и Синодальным списками, надо решительно отвергнуть, поскольку оно основано на реконструкции, ошибочность которой только что была продемонстрирована.

Впрочем, А. Т. Николаева (Историко-архивный институт) заявила, что эти возражения О. В. Творогова показались ей неубедительными, не подкрепив, однако, свое несогласие с возражениями О. В. Творогова какими-либо аргументами.

А. А. Зимин утверждает: «Если будет доказано, что «Слово» текстологически связано только с Пространной редакцией «Задонщины», а последняя восходит к Краткой и не имеет никаких других источников, которые могли быть отождествлены непосредственно (или опосредствованно) со «Словом», то вопрос о соотношении последнего с «Задонщиной» будет решен: его придется признать произведением вторичным, а «Задонщину» Пространной редакции — первичной». Возражая ему, Н. И. Голенищев-Кутузов (Институт мировой литературы АН СССР) привел ряд примеров, свидетельствующих, что в некоторых важнейших разночтениях «Слова» оказывается ближе к Краткой редакции «Задонщины», чем к Пространной. Критикуя реконструируемую А. А. Зиминим рукопись, которой будто бы воспользовался Иоиль, Н. И. Голенищев-Кутузов говорил, что «эта воображаемая редакция должна была по воле провидения содержать все элементы, необходимые Иоилю. Таким образом, Кирилло-Белозерская редакция, мешающая конструкции А. А. Зимина, просто им устраняется. Между тем только некоторая «мозаика» из всех нам известных рукописей, включая и Кирилло-Белозерскую, дает приблизительное чтение «Слова», а вовсе не Синодальные списки только».

Оживленную дискуссию вызвало сопоставление А. А. Зиминим текстуально близких фрагментов «Слова» и «Задонщины». Хотя он считает, что «Слово» обнаруживает наиболее разительное сходство с Синодальным списком Пространной редакции «Задонщины», но сопоставляет его не с этим списком, который им характеризуется как крайне дефектный, а с протографом Пространной редакции (по списку И-1), учитывая особенности извода, представленного Синодальным списком.

При этом, как указал Д. С. Лихачев, имеет место систематическое подтягивание реконструкции текста Пространной редакции к «Слову», то есть исправление реконструкции Пространной редакции «Задонщины» по тексту «Слова». «Подтянув» свою реконструкцию к «Слову», А. А. Зимин вслед за ней дает текст последнего, где отмечает его источники и, в частности, якобы заимствованные места из Пространной редакции. Порочный круг замыкается. Натяжки видны уже в самом начале реконструированного текста. Так, выделяются слова «начати старыми словесы трудных повѣстий» и «начати же ся тѣи пѣсни», как заимствованные из Пространной редакции, но в даваемой реконструкции форма слова «начати» взята из «Слова» же (в И-1 — «начаша», в У — «начаша ти», в С — «нача»).

Метод «порочного круга» сказывается и в таком факте. А. А. Зимин подсчитывает свои собственные (в общем, как было показано, произвольно), вносимые им в редакцию «Задонщины» поправки и эти цифровые данные снова пускает в оборот для обоснования того, что Краткая редакция является первоначальной по сравнению с Пространной. Он считает, например, показательным, что в Краткую редакцию им внесено 28 поправок, а в Пространную — около 350.

Для доказательства своих положений, продолжает Д. С. Лихачев, А. А. Зимин прибегает и к явным передержкам в цитировании текстов. Так, например, он утверждает, что выражение «приломити конец поля половецкого» в «Слове» неудачно и оно может быть объяснено только из текста «Задонщины», где есть слова «конец копия» (имеется в виду текст «Задонщины»: «конец копия вскормлены»). Действительно, приведенная цитата из «Слова» бессмысленна, однако если памятник процитировать правильно, то никакой неясности не будет. Игорь говорит: «Хочу

бо,— рече,— копие приломити козѣць поля Половецкого», то есть хочу сломать копье на границе Половецкого поля («приломить» или «сломать копье» — фразеологизм, означающий «начать битву»).

Дискуссию вызвал и анализ А. А. Зиминим отдельных чтений «Слова», имеющих соответствие в «Задонщине». Так, обращение Ярославны к Днепру: «О Днепр словутицю! Ты пробил еси каменные горы сквозе землю Половецкую» — и его параллели в «Задонщине» рассмотрел в своем выступлении А. И. Робинсон (Институт мировой литературы АН СССР). Возражая против интерпретации этих параллелей А. А. Зиминим, он считает, что «все компоненты описания Дона в «Задонщине» не отвечают реальности и несвойственны фольклорной традиции... Они результат литературного сочинения, имеющего подражательный характер по отношению к «Слову».

Я. С. Лурье, напротив, считает, что благодаря текстологическим наблюдениям А. А. Зимина нельзя рассматривать этот аргумент как говорящий в пользу первичности «Слова», хотя бы потому, что кажется странной замена «гор каменных» в Пространной редакции на «берега харалужные» в Кирилло-Белозерском списке.

На вопросе о соотношении «Задонщины», «Слова» и «Сказания о Мамаевом побоище» остановился Л. А. Дмитриев. Он указал, что в концепции А. А. Зимина не ясен самый характер работы автора Пространной редакции над текстом «Сказания о Мамаевом побоище». Когда отдельные слова и предложения, отличающие Пространную редакцию от Краткой и совпадающие с чтениями «Сказания» (в котором они выглядят явными вставками), А. А. Зимин объясняет влиянием «Сказания», то это абсолютно не убедительно. Можно допустить, что авторы отдельных редакций «Сказания» обращались к небольшой по объему «Задонщине», что какие-то переписчики «Сказания» знали ее на память, могли вносить изменения в уже имевшиеся вставки из нее, делать, вспоминая, сходные образы и ситуации, новые вставки. Об этом свидетельствует, в частности, список Румянцевского собрания № 378, где автор прямо говорит, что он сделал большую вставку в текст «Сказания» из текста «Задонщины». Допустить же подобного рода влияние «Сказания» на «Задонщину», по мнению Л. А. Дмитриева, невозможно.

Л. А. Дмитриев подчеркнул, что ряд чтений «Задонщины» по списку И-1 и сходным, возводимых А. А. Зиминим к «Сказанию», встречается только в отдельных редакциях или вариантах последнего. Поэтому А. А. Зимину было необходимо доказать, что все эти чтения являются чтениями протографа этого памятника или же что автор Пространной редакции пользовался различными редакциями «Сказания».

Приводимые А. А. Зиминим примеры заимствований в Пространной редакции «Задонщины» из «Сказания» и Никоновской летописи и аргументация того, что это заимствования в «Задонщине», а не наоборот, вызывают целый ряд возражений, опровергаются встречными доводами, позволяют утверждать прямо противоположное выводам А. А. Зимина. И сравнительный анализ списков «Задонщины» и сопоставление ее текстов со всеми списками «Сказания» позволяют утверждать, что все дошедшие до нас списки «Задонщины» должны восходить к одному общему тексту, объем которого точнее отражен в тексте так называемой Пространной редакции «Задонщины». Отдельные же чтения более точно отражены как в списках этой Пространной редакции, так в ряде случаев и в Кирилло-Белозерском списке.

А. А. Зимин не ответил на основные возражения оппонентов по поводу ошибочности его реконструкций. Отвечая же на критику своей текстологической схемы, он высказал надежду, что предложенную его оппонентами схему взаимоотношений всех списков «Задонщины» можно будет все же опровергнуть, если удастся найти хотя бы одно чтение Кирилло-Белозерского списка, которое будет первично по отношению к общим чтениям остальных списков. Однако конкретных фактов, которые подкрепили бы его соображение, приведено не было. В то же время А. А. Зимин признал необходимым еще раз тщательно проверить свои текстологические построения.

★

Важное место в системе построений А. А. Зимина занимает вопрос о соотношении данных, содержащихся в «Слове», со сведениями летописных сводов, главным образом Ипатьевской и Кенигсбергской (Радзивилловской) летописей. Основное вни-

мание уделяется первой из них и предполагается, что И. Бывковский знал какой-то неизвестный ныне список этой летописи, впервые изданной (по Ипатьевскому списку) в 1843 году. А. А. Зимин выдвигает гипотезу, согласно которой именно она, а не «История Российская» Татищева (как думает А. Мазон) явилась первоосновой для создания исторической канвы «Слова». Сказав о «явных чертах сходства» «Слова» и Ипатьевской летописи, А. А. Зимин полагает, что возможны три объяснения этого: 1) «Слово» могло быть известно составителю летописи; 2) оба произведения, посвященные одному и тому же событию, написаны независимо друг от друга; 3) автор «Слова» мог быть знаком с Ипатьевской летописью или с одним из предшествующих ей летописных сводов.

Дав краткую историографическую справку о существующих мнениях относительно первых двух возможных объяснений, А. А. Зимин главное внимание уделил рассмотрению только последней гипотезы. На односторонность подобного методического приема в исследовании указал акад. Б. А. Рыбаков, отметивший, что А. А. Зиминим различные гипотезы не рассматриваются как равноправные. Характеризуя далее его метод решения вопроса о соотношении «Слова» и летописей, Б. А. Рыбаков отметил, что аргументация исследователя строится следующим образом: сначала идет высказанное предположение, затем оно рассматривается как истинное, далее на основе полученной таким путем «истины» строится новое предположение или целая цепь предположений. При этом совершенно обходится молчанием вопрос о соотношении «Слова» и русской реальной действительности XII в., вопрос, без рассмотрения которого все утверждения о дате написания «Слова» теряют силу. Б. А. Рыбаков подчеркнул, что совпадения в описании событий 1185 г. в Ипатьевской летописи и «Слове», которые А. А. Зимин считает веским аргументом в пользу вторичного происхождения «Слова», легко объясняются тем, что эти описания восходят к свидетельствам современников.

Одним из свидетельств в пользу вторичности «Слова» по сравнению с Ипатьевской летописью А. А. Зимин считает наличие в ней некоторых конкретных подробностей, отсутствующих в «Слове». Об этом же, касаясь непосредственно данных похода 1185 г., говорил и В. Б. Кобрин (Библиотека им. В. И. Ленина). С другой стороны, А. А. Зимин отмечает в «Слове» ряд исторических сведений, в том числе и относящихся к походу 1185 г., которые отсутствуют в летописях. По его утверждению, автор «Слова» старался держаться близко к тексту летописи при характеристике лиц и исторических событий XI—XII вв., а там, где он отступал от этого правила, — налицо ошибки и искажения.

Такая точка зрения была подвергнута критике участниками обсуждения. Так, Д. С. Лихачев, в частности, указал, что летописи не знают упомянутого в «Слове» князя Изяслава Васильковича. Из двух его братьев, Брячислава и Всеволода, летопись упоминает также только первого. «Выдумывать» другого брата автору «Слова» не было никакого смысла. Между тем из других летописей известно, что всех братьев было семь, что не исключает, а предполагает существование и упоминаемых в «Слове» Изяслава и Всеволода Васильковичей. Автор «Слова», подчеркивает Д. С. Лихачев, показывает свои исторические знания как бы мимоходом. Это, в частности, относится к упоминанию им жены Игоря под именем Ярославны. По отчеству или по имени мужа назывались обычно женщины в летописях, так как не имели самостоятельного положения. Так, именовалась Дмитривной жена князя Мстислава Владимировича, Ростиславной — жена Олега Святославовича, Кончаконной — жена Владимира Игоревича, Ярославной — жена Ростислава Глебовича и др. Утверждение, что летописец XII—XIII вв. называл иногда княгиню по имени мужа, а не по имени отца, лишено оснований. Кстати, автор XVIII в. мог бы назвать Ярославну по имени, так как в то время, говорит Д. С. Лихачев, уже был известен Любецкий синодик, из которого можно было понять, что жену Игоря звали Ефросиньей.

Б. А. Рыбаков указал, что на Руси был известен и термин «Слова» «двор», которому удивляется А. А. Зимин; этот термин фигурирует в «Повести Временных лет» в рассказе о дани с древлян — по два голубя и по два воробья с двора (между прочим, этот факт приводит и сам А. А. Зимин).

Говоря о достоверности исторических сведений «Слова», Д. С. Лихачев отметил, что в памятнике упоминается около 40 князей без каких бы то ни было искажений; все характеристики русских князей исторически точны. Автор знает, что отец Всеволода княжил на Киевском престоле, он знает, как умер Владимир Глебович, хорошо осведомлен о могуществе Всеволода на Волге, о его победе в 1183 г. над волжскими булгарами. Он называет Рюрика Ростиславича «буй», и эта характеристика как нельзя лучше подходит к запальчивому и смелому князю. Он точно определяет, что Ярослав Галицкий высоко сидит на «златокованом столе» (на Крылосской горе, как это не так давно установлено археологами), и правильно оценивает тяжелую годину на Руси, совпавшую со временем княжения Олега Гориславича. Автор осведомлен о том, что в Черниговской земле осели тюркские племена, и правильно определяет их роды и т. д. Указывая на якобы ошибочное толкование «Словом» появления Всеслава Полоцкого под Новгородом в 1069 г., отметил далее Д. С. Лихачев, А. А. Зимин аргументирует это тем, что в Ипатьевской летописи о подобном факте не говорится, а в Софийской I летописи лишь упоминается, что Всеслав был разгромлен новгородцами и князем Глебом на реке Гзени. «Но где протекает река Гзень? — спрашивает Д. С. Лихачев. — Она течет у земляного вала в Новгороде. Всеслав был разбит под самыми стенами Новгорода. Заявление автора «Слова» о том, что Всеслав из Белгорода направился в Новгород, правильно. Очевидно, автор «Слова» знает это обстоятельство лучше, чем А. А. Зимин».

Не находит Д. С. Лихачев в «Слове» неточностей, связанных и с описанием затмения. А. А. Зимин утверждает, что в «Слове» якобы говорится о полном затмении, что противоречит указаниям летописи, между тем как в Кенигсбергской летописи также говорится о наступившей тьме. Кстати, в «Слове» нигде не говорится о затмении как о полном («тьма путь заступаща»), да и в летописи на этот счет нет никаких определений, а указывается лишь, что тьма была так велика («морочно бысть вельми»), что во время затмения были видны звезды. Никакого противоречия с действительностью «Слово» не обнаруживает.

Д. С. Лихачев считает неоправданными сомнения А. А. Зимина относительно достоверности сведений «Слова» о венецианцах («венедицы»), которые, по его мнению, не могли быть в то время известны на Руси. Венецианцы упоминались в летописях значительно раньше XII века. Кроме того, А. А. Зимин допускает лингвистическую ошибку, определяя слово «ту» («ту нѣмци и венедици, ту греци и морове поют славу Святъславлю») как «тут» (в Киеве), хотя в данном контексте это слово означает «в это время», «тогда», «по этому случаю», что вовсе не связано с присутствием венецианцев в Киеве, а является попросту поэтическим образом, довольно часто употребляемым в древнерусской литературе XI—XIII веков. А. А. Зимин считает, что Ярославна не могла плакать на «заборолех» в Путивле, так как город якобы был сожжен половцами, между тем в летописи сказано, что половцы сожгли не Путивль и тем более не его крепостные стены, а «острог у Путивля», то есть полосу укрепления, ограждающую посад («повоевавши волости их и села и пожгоше, пожгоша же и острог у Путивля и возвратишася восвоеси»). Не известно и то, когда произошло сожжение острога у Путивля — до приезда туда Ярославны или после. Д. С. Лихачев подчеркнул также, что, какие бы споры ни велись вокруг исторической точности «Слова», нельзя забывать, что оно является не историческим сочинением, а художественным произведением.

Вопрос об исторической достоверности сведений «Слова» был затронут и в выступлении В. А. Кучкина (Институт истории АН СССР), рассмотревшего утверждение о якобы ошибочном указании в «Слове» на место захоронения сына Ярослава Мудрого — Изяслава, убитого в 1078 году. Со ссылкой на ряд летописных данных А. А. Зимин утверждает, что Изяслав был похоронен в Десятинной церкви, между тем как «Слово» якобы неверно называет местом захоронения Софийский собор. На основании анализа летописных текстов и привлечения новых материалов В. А. Кучкин показал, что в Десятинной церкви киевских князей и княгинь хоронили лишь в начале XI в., а потом использовали эту церковь как место захоронения только с 1097 года. После постройки в Киеве в 1037 г. Софийского собора и основания митрополии там стали хоронить представителей княжеской фамилии. В Софийском соборе были

похоронены Ярослав Мудрый, его жена. Естественно, что именно здесь был похоронен и Изяслав Ярославич, и «Слово» в данном случае оказывается более точным, чем некоторые летописи.

Несколько чтений «Слова», утверждает А. А. Зимин, восходит к Кенигсбергской летописи, изданной в 1767 г.: общими являются упоминание о походе князя Всеволода на Волгу в 1184 г., мотивы четвертого плача Ярославны с ее воспоминаниями о «безводной жажде» воинов Игоря, упоминание о походе князя Романа на половцев и др.

Касаясь этих «заимствований», Б. А. Рыбаков подробно остановился на всех приведенных случаях. Так, например, упоминание о жаре и «безводье» в «Слове», вполне возможно, навеяно не летописью, а тем, что 11—12 мая 1185 г. действительно стояли жаркие и засушливые дни. Походы князя Романа против половцев упомянуты в летописи лишь под 1202 и 1205 гг., но разве можно доказать, что за 34 года, предшествующих княжению, Роман Мстиславич ни разу не встречался с половцами, и т. д.?

Одним из наиболее веских аргументов против отнесения «Слова» к XII в. А. А. Зимин считает резкое различие идейной направленности «Слова» и летописей. Оказывается, автор «Слова» был «начисто лишен идеологических устремлений», связанных с феодальной раздробленностью, которые были свойственны летописям того времени. Этот тезис был поддержан В. Б. Вилинбаховым (Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР), утверждавшим, что конкретная обстановка XII в. — периода расцвета феодальной раздробленности — якобы никак не способствовала созданию произведения, проникнутого идеей единства Русской земли. При этом В. Б. Вилинбахов сослался на «равнодушие» летописей к этим вопросам, а также на решение Любечского съезда («Каждо да держит отчину свою»). В этом же плане выступил и А. И. Клибанов (Институт истории АН СССР), который, высказав мысль о наличии еще спорных вопросов в характеристике идейного содержания «Слова», по существу, склонился к мнению А. А. Зимина, так как усмотрел расхождение в оценке социальных моментов того периода в летописи и в «Слове». Если летописец не смог скрыть отзвуков классовой борьбы того времени, то автор «Слова» равнодушно проходит мимо них, что, согласно А. И. Клибанову, ставит его как бы вне исторических рамок XII века.

А. В. Арциховский высказался против утверждений, что выраженные в «Слове» черты общерусского патриотизма противостоят существовавшим в XII в. условиям феодальной раздробленности. «Нет, — сказал он, — общерусский патриотизм в XII—XIII вв. существовал. Вспомним хотя бы «Слово о погибели русской земли», вспомним его пафос». В этой связи А. В. Арциховский, как и Б. А. Рыбаков, подверг сомнению утверждение А. А. Зимина о том, что наименование князя Всеволода великим выглядит странным под пером «выходца» из южнорусских княжеств. «Никто не знает, откуда был выходцем автор «Слова», — говорил А. В. Арциховский, — но верховенство Всеволода III, сидевшего во Владимире, одинаково ощущалось во всех концах Русской земли, не исключая Киев».

Б. А. Рыбаков показал неправомочность того вывода, что лексика «Слова» также указывает на его зависимость от летописи. В качестве примера таких лексических «заимствований» приводятся слова «борз конь», «знаменье», «насад», «заборала», «девка» и другие слова аналогичного порядка, хотя, как указывает Б. А. Рыбаков, и сам А. А. Зимин признает, что некоторые из этих слов могли быть взяты автором памятника из живого языка. Б. А. Рыбаков отметил и странную манеру трактовать равнозначные факты в «Слове» и в «Задонщине» совершенно отменно друг от друга. Так, А. А. Зимин утверждает, что «гунны» «Слова» уже не существовали в XII в., хотя наличие также исчезнувшего этнонима «хинелы» в «Задонщине» находит оправдание. «Это, — утверждает А. А. Зимин, — происходило из-за обычного переноса старых племенных наименований на новое объединение кочевников».

Говоря о так называемых географических «натяжках» «Слова», Б. А. Рыбаков отмечает, что А. А. Зимин и здесь допускает двойной подход: если в «Задонщине» образ Дона, доставляющего в Москву тело убитого Микулы, он не ослабляет как географическое понятие, то Днепр в «Слове» как такое же понятие он трактовать отказывается.

Отмечалась также необоснованность утверждения, что отсутствие в «Задонщине» текстов, близких к летописи, совершенно необъяснимо, если в «Задонщине» использован текст «Слова». В подтверждение А. А. Зимин приводит лишь следующие тексты из трех памятников: «Да не дивно есть разумеючи» (Ипатьевская летопись); «Добро бы, брате, в то время стару помолодиться» («Задонщина»); «А чи диво ся, братие, стару помолодити» («Слово»). Если бы автор «Задонщины», утверждает А. А. Зимин, списывал свой текст со «Слова», то он не мог бы вычленил из него именно тот текст, который восходит к летописи⁴. Поэтому, заключает А. А. Зимин, остается лишь одна возможность: «Слово» основано на тексте рассказа 1185 г. Ипатьевской летописи.

Тезис о том, что «Слово» не могло быть источником летописного рассказа, поскольку иначе общие с «Задонщиной» места проникли бы и на страницы летописи, критиковался Б. А. Рыбаковым. По существу, получается, сказал он, что А. А. Зимин доискивается влияния «Задонщины» — памятника XIV—XVI вв. — на летопись XII в., что предполагает «обратный ход» исторического процесса. Весьма характерен и факт, который приводит А. А. Зимин с выпадением в «Задонщине» слова «дивно», упоминающегося в «Слове». Ответственный вывод о зависимости «Слова» от летописи, по существу, делается на факте опущения одного слова в позднейшем памятнике.

В своем заключительном слове, коснувшись возражений оппонентов по поводу его соображений об исторических сведениях, содержащихся в «Слове», А. А. Зимин либо ограничился общими рассуждениями, либо повторил свои положения, подвергавшиеся критике со стороны выступавших.

Одним из важнейших аспектов анализа «Слова» является изучение его лексического и грамматического строя. Суть проблемы, как полагает А. А. Зимин, сводится к анализу лингвистических данных, проверки того, дают ли они прочные основания для датировки этого памятника концом XII в., или в них можно обнаружить более поздние явления. А. А. Зимин утверждает, что «Слово» написано на церковнославянском языке XVIII в.; его автор якобы стремился стилизовать свое произведение под «древность», используя для этой цели словарный состав Ипатьевской летописи и «Задонщины», а также лексику и грамматические нормы церковнославянского языка. Помимо древнерусской и церковнославянской лексики, по мнению А. А. Зимина, встречается «значительный пласт слов, эпитетов и устойчивых сочетаний, близких к украинскому и белорусскому, а также к польскому языкам». Анализ ориентализмов «Слова» «показывает происхождение многих из них не ранее XV—XVI вв., поэтому они никак не могут свидетельствовать о древности памятника, но дают серьезное основание для его поздней датировки». Таковы основные частные выводы автора, подготавливающие обобщающее заключение, что «язык «Слова», несмотря на стилизацию «под древность», выполненную на основе «Задонщины» и Ипатьевской летописи, дает достаточно данных для того, чтобы судить о поздних явлениях в лексике, морфологии и синтаксисе памятника».

Выступавшие говорили, что для доказательства своей гипотезы о создании «Слова» в XVIII в. по нормам церковнославянского языка А. А. Зимин должен был предложить описание грамматического строя и словарного состава церковнославянского языка XVIII в. и самым тщательным образом доказать, что грамматический строй и словарный состав «Слова» ближе к нему, чем к строю и лексике древнерусского языка.

Ф. П. Филин (Институт русского языка АН СССР) остановился на характере орфографии Мусин-Пушкинского списка «Слова». Если предположить, что «Слово» написано в конце XVIII в. (то есть с точки зрения орфографии это имитация), будет совершенно непонятно, почему имитатор не был последователен, почему в тексте существуют как орфографические черты XII—XIII вв. (время создания «Слова»), так и XV—XVI вв. (дата Мусин-Пушкинского списка). Критикуя А. А. Зимина за несоблю-

дение элементарных методов лингвистического исследования (например, сближение «были» с польским «bywales», «шельбиры» с «szalbiery» и русским «шалбер»). Ф. П. Филин указал, что принимать подобного рода старинные объяснения, стоящие на уровне так называемой народной этимологии, недопустимо для современного исследователя.

Резкой критике подверглось и утверждение, будто в «Слове» встречается значительный пласт слов, эпитетов и устойчивых сочетаний, близких к украинскому, белорусскому и польскому языкам. По наблюдениям А. П. Евгеньевой (Институт русского языка АН СССР), В. П. Адриановой-Перетц и Ф. П. Филина, все эти слова встречаются и в русском языке, причем подавляющее большинство их обнаруживается в древнерусских памятниках домонгольской поры. Было отмечено также большое число спорных, субъективных и в значительной части просто ошибочных толкований и сопоставлений А. А. Зимина. Характеризуя основной порок его лингвистических построений, Ф. П. Филин считает, что «элементарным правилом лингвистического анализа любого текста является обязательный учет всей совокупности языковых явлений, взаимосвязи и взаимозависимости отдельных элементов, и только лишь на этом фундаменте могут быть в той или иной мере показательными отдельно взятые примеры. Метод комментирования отдельно взятых примеров без учета языковой системы памятника может быть только наукообразным, но не научным и обречен на провал... Какие бы суждения о языке «Слова» ни высказывались, все языковеды, исследовавшие язык «Слова» как систему, признают, что этот язык, рассматриваемый во всей совокупности его явлений, — язык древнерусской эпохи, эпохи, во всяком случае, до XIV века. Доказательств, что язык «Слова» — язык позднего времени, никто никогда не приводил, да и не мог привести. Нет таких доказательств и у А. А. Зимина». Вместо этого им выдвигается тезис, что «Слово» написано по «грамматическим нормам» церковнославянского языка. Но чем же тогда можно объяснить, заметил О. В. Творогов, наличие в «Слове» большого числа архаичных грамматических черт, никогда не являвшихся «нормами» для церковнославянского языка? Почему А. А. Зимин не приводит ни одной грамматической черты «Слова», которая была бы неизвестна древнерусскому языку, а лишь доказывает, что те или иные особенности языка XII в. могли быть известны и в XVIII веке?

Ряд замечаний по поводу анализа грамматической структуры «Слова», которому А. А. Зимин уделил явно недостаточное внимание, сделал А. Н. Котляренко (ЛПИ имени Герцена). А. А. Зимин считает, что «словообразовательные качества славянизмов «Слова» не дают надежной опоры для утверждения, что оно должно было возникнуть в XII или XIII веках». Однако вместо аргументации этого тезиса он рассматривает церковнославянизмы и, по существу, ни о каком словообразовании не говорит. Он сослался лишь на работу Ю. Бешаровой, указавшей, что в «Слове» настоящее время, аорист, перфект и имперфект часто не имеют строго хронологического значения. Это обстоятельство, по его мнению, «противоречит строю древнерусского языка». Однако А. Н. Котляренко напомнил, что смешение времен обычно не только для «Слова», но, например, и для произведений Кирилла Туровского (XII в.), в подлинности которых никто не сомневается.

Затем А. Н. Котляренко подробно остановился на языке «Задонщины». Он показал, что ее Пространная редакция написана языком XIV в. и отнюдь не является памятником XVI в., как полагает А. А. Зимин. Так, в ней встречаются как нечленные (краткие) причастия, так и причастия полной формы действительного залога настоящего времени. В языке «Задонщины», таким образом, отразилась характерная черта XIV в.: процесс перехода древних форм нечленного причастия в деепричастие и замены нечленных причастий полными (этот процесс закончился в XVI веке). В «Слове» употребляются только нечленные причастия, что свидетельствует о большей по сравнению с «Задонщиной» древности языка «Слова».

Подобным же образом обстоит дело и с употреблением кратких (нечленных) прилагательных. В «Слове» они составляют более 28% по отношению ко всем прилагательным, в «Задонщине» же — только 2%. Характерно при этом, что употребление нечленных прилагательных в функции согласованного определения в «Задонщине» встречается текстуально почти во всех случаях, совпадающих со «Словом», что может свидетельствовать только о том, что составитель «Задонщины» писал ее в под-

⁴ Имеется в виду слово «дивно».

ражание «Слову». Если же статья на точку зрения А. А. Зими́на, то окажется, что автор XVIII в. не только различил два языковых пласта в «Задонщине», но и намеренно архаизировал язык XIV в., на котором была написана «Задонщина», придав ему особенности языка XII столетия.

Ориенталисты-тюркологи (Н. А. Баскаков и А. А. Валитова) в своих выступлениях подчеркнули, что А. А. Зими́н в отношении восточных элементов лексики «Слова» не проявил необходимой для любого исследователя научной осторожности, стремясь непременно доказать, что ориентализмы являются словами позднего происхождения. Из всего значительного лексического материала он отбирал только некоторые выгодные, с его точки зрения, для своей концепции примеры, игнорируя всю полноту восточной лексики «Слова», объявляя ее домыслами Иои́ля Быковского. Не будучи специалистом-востоковедом, он дает слабый и необубедительный анализ конкретных терминов («шерешыры», «харалужный», «топчак» и др.), при объяснении которых часто прибегает к устаревшим источникам и этимологиям, неточно цитирует авторов. Так, по поводу термина «топчак» утверждается: «как установил С. Е. Малов, «топчаки» происходят от тюркского слова «топчи», что означает пушкарь, а поскольку пушкарь мог появиться лишь в XVI в., значит, слово «топчак» — позднее». Однако, как отметила А. А. Валитова, С. Е. Малов пишет иначе, формулирует свою мысль очень осторожно: «...нельзя ли думать, что здесь имеется что-либо похожее на *topçu* — *terçi* — «пушкарь», «артиллерист», Ср. еще чувашск. *terçek* — «наследник», «младший сын», наследующий отцовский дом и имущество», киргизск. *taptan* — «быть во всеоружии»⁵. Следовательно, С. Е. Малов не установил, а только осторожно предположил, привел эту этимологию как одну из возможных в числе ряда других этимологических сопоставлений. Иначе говоря, «топчи» — «пушкарь» даже в устах человека, который предложил это толкование, не является обязательным. Да и трудно это категорически утверждать, так как «топчак» и «топчи» — все-таки совершенно разные слова, и, кроме того, «топчи» может толковаться не только как «пушкарь». Ведь «топ» — это «ядро», «мяч», а метать ядра могли не только пушки, но и более ранние метательные орудия. Наконец, этимология «топчак», предложенная П. М. Мелиоранским, — конь, как название племени, — очень вероятна («топчак» в тюркоязычных памятниках означает «рослый конь»). Дело в том, что у тюрков существовал культ коня, а образование этнонимов из названий тотемных животных у тюркских племен встречается сплошь и рядом. Например, племена огузы (гузы) — от слова «бык», так как бык был тотемом некоторых тюркских племен; киргизские племена бугу — от «олень»; сары-багыш — от «лось», этноним «кумандинцы» — от «куу» — «лебедь». Башкиры, возможно, произошли от «баш курд» — «матерый волк».

Итак, нет достаточных оснований утверждать, что слово «топчак» — позднее заимствование. Если бы А. А. Зими́н был знаком с этнографией тюркских племен и народов, с принципом образования этнонимов, он не стал бы так категорически отвергать этимологию П. М. Мелиоранского.

Нередко А. А. Зими́н, как подметил Н. А. Баскаков, ограничивается лишь общими заключениями о том, что ориентализмы в «Слове» не могут свидетельствовать о древности памятника, но якобы дают серьезное основание для его поздней датировки. Между тем исследование, тщательно проведенное многими тюркологами, как раз свидетельствует о раннем происхождении «Слова», даже при наличии некоторых расхождений между исследователями в конкретной этимологизации ряда слов.

Подчеркивая важность ориентализмов как датирующего признака, выступавшие дали подробный анализ восточных лексических включений (преимущественно тюркских слов и выражений или слов, заимствованных через посредство тюркского языка). Основываясь на работах тюркологов П. М. Мелиоранского, Ф. Е. Корша, С. Е. Малова, В. А. Гордлевского, Ю. Ф. Немета, К. Менгеса, Л. Рашоньи и др., а также на новом фактическом материале источников X—XII вв. (команская эпиграфика, «Кутадгу билиг», Словарь Махмуда Кашгарского, «Хибат-ал-Хакнак» и данных этнографии и фольклора тюркских народов Средней Азии и Поволжья), Н. А. Баскаков и А. А. Валитова пришли к выводу, что все тюркские слова, содержащиеся в «Слове», в том

⁵ С. Е. Малов. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». «Известия» АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. V. Вып. 2. М. 1946, стр. 135.

числе и термины, обозначающие части войска черниговского князя Ярослава, состоявшие из тюркских племен — ковуев (были, могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги, олыберы), по своей фонетике и грамматике принадлежат к огузо-кыпчакскому типу (с некоторыми отзвуками болгарской фонетики), то есть тесно связаны с тюркской языковой средой домонгольского периода.

Выступавшие востоковеды не согласились и с утверждением, что в «Слове» совершенно нет живых впечатлений современника, что все произведение носит книжный характер. Наоборот, автор его обнаружил прекрасное знание особенностей жизни степняков-половцев. В его произведении непосредственно и живо отразились картины быта половцев-кыпчаков, этнографические детали и реалии, колорит степных кочевий или «аромат степи», как говорили нередко исследователи. В свое время акад. В. А. Гордлевский писал: «Когда «Слова о полку Игореве» говорит о половцах, обнаруживается понимание степной обстановки; это не литературный пересказ; жизнь степняка воспринимается как что-то близкое автору»⁶. Тотемистические воззрения тюркских племен (культ волка, быка и лебедя), эпические сюжеты и мотивы, характерные для сказаний тюркоязычных народов, отразившиеся в «Слове», также свидетельствуют, что его автор хорошо знал половецкий фольклор.

Таким образом, выступавшие на обсуждении тюркологи показали, что вся совокупность восточного материала «Слова», и особенно тюркизмы, опровергает с документальной точностью концепцию А. А. Зими́на, ибо никак не может быть результатом искусственной стилизации Иои́ля Быковского, да еще через посредство лексики турецкого языка XVIII в., с элементами которого, по мысли А. А. Зими́на, познакомил Быковского преподаватель Ф. Эмин, побывавший в Турции. Касаясь попыток отнести этот памятник к позднему времени, выдающийся советский тюрколог С. Е. Малов, на которого неоднократно ссылается А. А. Зими́н, еще в 1946 г. в заключении своей статьи о тюркизмах в «Слове», подчеркивая лексическую и фонетическую приуроченность их к тюркским языкам раннего периода, писал: «Я не могу себе представить, чтобы можно было впоследствии выдумать кому-либо эти слова или восстановить их давнюю природу»⁷.

Н. А. Баскаков подчеркнул, что ни один автор XVII—XVIII вв. при состоянии тюркологии, свойственном тому времени, не мог создать такое произведение, где с удивительной точностью использованы специфическая болгаро-узо-половецкая лексика, сюжеты тюркского эпоса и мифологии, изучение которой началось только в конце XIX века. Пользуясь немногочисленными пособиями по тюркологии, изданными в XVIII в. (материалы экспедиции Мессершмидта, словари Г. Гмелина, Г. Ф. Миллера, Е. Кондратовича, С. Котельникова, И. Э. Фишера, Палласа и др.), невозможно было так продуманно воссоздать тюркизмы раннего периода, тем более что Быковский не только не был тюркологом, но и не знал тюркских языков.

А. А. Валитова отметила, что большинство тюркологов относило ориентализмы «Слова» к периоду до XII в., и характерно, что мысль вывести тюркизмы «Слова» из турецкого языка позднего периода не пришла в голову ни одному тюркологу, настолько это фонетически разные явления. Это мог предположить только неспециалист, которому трудно представить, какая огромная разница между этими двумя ветвями тюркских языков. Здесь, может быть, сыграло роль еще и то обстоятельство, что в востоковедении до Октябрьской революции (и даже позже) термины «тюркский» и «турецкий» не различались. Поэтому работы П. М. Мелиоранского и Ф. Е. Корша именовались, например, «Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» и все тюркские слова и тюркоязычные народы и племена названы в них турецкими.

Отвечая на критику лингвистов, А. А. Зими́н утверждал, что все указанные ими лингвистические факты, в том числе и ориентализмы, по его мнению, обратимы, и нет неоспоримых данных, свидетельствующих о принадлежности языка «Слова» именно к XII—XIII векам. В подтверждение этого тезиса он сослался, в частности, на то, что термин «шеломань» был известен как древнему, так и более позднему языку. По его мнению, этот термин «встречался в XIX в. и сейчас встречается». В то же время

⁶ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Т. II. М. 1961, стр. 490.

⁷ С. Е. Малов, Указ. соч., стр. 139.

он признал, что не является специалистом-языковедом и пользуется лишь «добрыми советами и работами, проделанными лингвистами, пытаюсь осмыслить эти работы так, как ему представляется возможным на современном уровне развития науки».

Важным звеном обсуждавшейся концепции является гипотеза о вставках в текст «Слова», якобы сделанных А. И. Мусиным-Пушкиным. В составе одной из них — известная фраза, сходная с припиской в псковском Апостоле 1307 г.: «Тогда при Олзѣ Гориславличи съяшется и растяшетъ усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣдци челоуѣкомъ скратишась». В науке давно утвердилось мнение, что эта цитата из «Слова» в таком древнем памятнике, как Апостол 1307 г., доказывает раннее происхождение «Слова». А. А. Зимин, напомнив указание Л. П. Якубинского, что язык сходной фразы в Апостоле имеет более древние черты, чем близкий контекст «Слова», высказал предположение, что это не цитата из «Слова» в Апостоле, а, наоборот, вставка, включенная в «Слово» из Апостола Мусиным-Пушкиным. А. А. Зимин полагает, что Апостол вместе с другими рукописями, собранными в Синод из различных монастырей, оказался в 1791 г. в канцелярии Мусина-Пушкина, откуда в 1797 г. попал в Синодальную библиотеку. Так, оказывается возможным допустить, что Мусин-Пушкин в течение шести лет имел у себя эту рукопись и мог использовать для вставки в текст «Слова» находящуюся в ней приписку. Ошибочность этого допущения была вскрыта в письме В. П. Адриановой-Перетц, указавшей на известную книгу А. А. Покровского «Древнее псковско-новгородское письменное наследие»⁸, по которой можно восстановить подлинную историю псковского Апостола. В 1679 г. последний был отправлен в Типографскую библиотеку, откуда в 1788 г. его передали в числе других 469 рукописей в Синодальную библиотеку. Утверждение о пребывании этой рукописи у Мусина-Пушкина неверно. В реестрах Синодальной библиотеки отмечены все лица, работавшие над ее рукописями в 1790—1800 годах. Имени Мусина-Пушкина среди них нет. Лишь в 1810 г. приглашенный для описания рукописей Синодальной библиотеки К. Ф. Калайдович занялся фондом, перешедшим из Типографской библиотеки, и в 1813 г. обнаружил запись на Апостоле, о которой и сообщил Мусину-Пушкину, поздравившему К. Ф. Калайдовича с ценной находкой. Таким образом, говорить о вставке в «Слово» фразы из Апостола нельзя уже по одному тому, что Апостол не был известен Мусину-Пушкину в то время, когда у него был текст «Слова».

В заключительном слове А. А. Зимин признал, что с книгой А. А. Покровского он «по какой-то нелепой случайности» не был знаком. Однако он счел возможным повторить свой прежний тезис, утверждая, что Мусин-Пушкин мог пользоваться рукописями Синодальной библиотеки и не был упомянут в числе других читателей потому, что был «не простой посетитель, а обер-прокурор Синода».

В ходе обсуждения была показана несостоятельность и последнего тезиса — об авторстве Иоиля Быковского. Утверждая, что «Иван (Иоиль) Быковский — это тот фокус, в котором сходятся все линии исследования «Слова о полку Игореве», А. А. Зимин ставит «русские, украинские, белорусские и польские элементы» в языке «Слова», «черты украинского и белорусского фольклора» и «интерес к полоцким и черниговским князьям» в связь с предполагаемым происхождением Быковского из Белоруссии и его пребыванием на Украине (в частности, в Чернигове). По его словам, «то, что мы знаем об идеологии Быковского (близость к кругам разночинной интеллигенции, рационалистические интересы при неизжитых чертах церковной идеологии), соответствует идейному содержанию Песни о походе Игоря». По мнению А. А. Зимина, Быковский был автором не только «Слова», но и 120 стихотворных произведений на русском, латинском и польском языках. Правда, А. А. Зимин при-

⁸ А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М. 1916, стр. 72, 142—143.

знает, что стихи Быковского «самые заурядные, яркого поэтического таланта в них не чувствуется», но считает, что «дар художественной стилизации может сочетаться с творческой беспомощностью при создании вполне самостоятельных произведений». На основании состава личной библиотеки и анализа книги и проповедей И. Быковского он высказал предположение, что «идеи века Просвещения волновали автора «Слова» и последний принадлежал к числу «архиереев-вольтерьянцев».

Наиболее подробно остановилась на характеристике Быковского В. Д. Кузьмина (Институт мировой литературы АН СССР), сообщившая о результатах разысканий, проведенных ею совместно с Л. В. Крестовой. Уточняя или оспаривая некоторые факты биографии Быковского, В. Д. Кузьмина основное внимание уделила характеристике идеологии Иоиля. Православный архимандрит Иоиль Быковский, говорила она, вовсе не был похож на вольтерьянца в рясе, каким его пытается представить А. А. Зимин, анализируя его книгу «Истина или выписка об Истине», изданную в Ярославле в 1787 году. В предисловии к книге Иоиль, в частности, пишет, что к написанию ее «принудило его то, что он, дожив до 80 лет, заметил кривотолков о нужном в жизни, а паче о христианстве». В книге действительно находятся отрывки из сочинений М. В. Ломоносова, из «Живописца» Н. И. Новикова и других журналов, из «Славянских сказок» М. Д. Чулкова, а также из произведений Овидия, Цицерона, Гераклита, Вольтера, Попа, французской энциклопедии. «Уже это, — по словам А. А. Зимина, — показывает широкие интересы автора «Истины». Будучи духовным цензором типографии, то есть фактически выпускающая книгу без цензурного вмешательства, Иоиль смог подборкой выдержек из чужих произведений изложить свои передовые общественно-политические представления».

Однако В. Д. Кузьмина привела факты, противоречащие высказанному здесь взгляду. Так, из произведений М. В. Ломоносова Иоиль цитирует лишь двустипшие:

Кто хочет большим быть,
Тот должен всем служить.

Из «Славянских сказок» М. Д. Чулкова он выписывает: «В церкви смеяться никак не можно. Однако есть такие разумники, которые не только потихоньку, да и вслух хохочут, забыв благопристойность или важнее — страх божий». Что же цитирует «вольтерьянец в рясе» из произведений Вольтера? Одна выдержка из рукописного перевода «Фандида»: «Труды удаляют от нас три великие зла: скуку, порок и нужду». Вторая выдержка, правда, из антиклерикального романа Вольтера «История принцессы Вавилонской», также содержит прописную истину: «Искренность, чистосердечие, откровенность, великодушие и мужество составляют добродетельного человека нрав». Иногда Иоиль делает вставки в текст цитат, ослабляя их социальную заостренность. Так, процитировав Н. И. Новикова: «Есть бессовестные судьи, бесчеловечные помещики, безрассудные отцы», — он добавляет: «грубые дети».

Что касается поэтических произведений Иоиля, то В. Д. Кузьминой удалось установить, что А. А. Зимин ошибочно приписал ему произведения его учителя, писателя и преподавателя Киевской духовной академии Г. Конисского, а также произведения всех его сотоварищей по курсу пиитики.

Анализ языка проповедей И. Быковского не обнаруживает того лексико-стилистического сходства со «Словом», о котором говорил А. А. Зимин. На это было обращено внимание и в выступлении В. И. Стеллецкого (Союз советских писателей), напомнившего некоторые из приводимых А. А. Зиминим параллелей:

«Слово»:

Растѣкашеться мыслию по древу...

Мыслию поля мѣрить...

Ни мыслию смыслити...

Простре горячую свою лучю...

Проповеди:

Восходя мыслию на гору Фаворскую и на Христово ныне празднуемое Преображение взирая, вижу оно и удивления достойное и радости исполненное...

Лицо оное Христово... как лучу, которая сквозь стекло проникает.

Особенно много возражений вызвала характеристика А. А. Зиминим того «творческого метода», с помощью которого, по его мнению, создавалось «Слово». Д. С. Лихачев говорил, что если допустить создание этого произведения в XVIII в., то придется предположить, что автор его был гениальным ученым, предвосхитившим многие познания, полученные о XII в. учеными конца XIX и XX вв., опередившим не только историков, но и археологов, фольклористов, лингвистов, литературоведов своего времени.

Сложность положения выявляется особенно отчетливо, подчеркнул Д. С. Лихачев, когда скептикам приходится объяснять многочисленные параллели — фразеологические, стилистические, образные и пр., — подысканные исследователями «Слова» в современной ему литературе, то есть XI—XII веков. Переводя «Слово» из XII в XVIII в., скептики вынуждены все близкие параллели считать не параллелями, а источниками, и многочисленность их опять-таки объяснять гениальной осведомленностью автора XVIII в., творившего «Слово», как мозаику, из разных источников. Как известно, к отдельным местам, словам, выражениям, стилистическим оборотам и образам «Слова» подыскано множество параллелей в современной ему литературе русской, древнеболгарской, византийской, древнесербской и др. Эти параллели имеют единственное объяснение в том, что автор «Слова» принадлежал к той же поре литературного развития, следовал традициям и вкусам своего времени, знал язык, на котором писал, не по источникам, а в его живом употреблении. Считая «Слово» памятником XVIII в., продолжал Д. С. Лихачев, А. А. Зимин обязан был внимательно рассмотреть все параллели, найденные исследователями в обширной древнерусской оригинальной и переводной литературе, и либо отвергнуть их, либо перевести в разряд источников. Но этого не было сделано.

Многие выступавшие указывали, что «Слово» уже по одному тому, что это — художественное произведение, не могло быть создано теми методами, которые приписываются его мнимому автору Иоилу Быковскому. «Трудно представить себе реально, как мог творить Иоиль, — говорил переводчик «Слова» поэт С. В. Шервинский (Москва). — Весь труд Иоиля представляется как какая-то мозаичная работа, где одно заимствовано, другое переделано, третье включено и т. д... Художественное творчество в создании поэтического произведения не таково, поэтическое произведение так не создается. Так не бывает на свете, тем более с произведением, которое сам А. А. Зимин называет произведением гениальным». Та же мысль прозвучала и в выступлении Н. И. Голенищева-Кутузова: «Из всех кандидатов в российские Макферсоны архимандрит Иоиль представляется мне наименее удачливым. Сказать по правде — он мрачно бездарен, о чем свидетельствуют и его школьные вирши и его нудные проповеди. Трудно представить себе, даже насилуя свое воображение, что дряхлый старец, не отличавшийся литературными талантами, написал «Слово о полку Игореве». Историки и лингвисты должны были бы прислушаться к мнению не только филологов, но и поэтов и писателей, которым подобные идентификации не могут не показаться смешными... Я полагаю, что Мазон был по-своему последователен, утверждая, что «Задонщина» — «перл создания», а «Слово» — подражание, «пастиш», не имеющее художественной ценности. Он рассуждал как филолог, давно лишенный эстетического чутья и слуха. У Зимина как будто бы отраднее: хороши и «Слово» и «Задонщина». Но за его похвалами, к сожалению, мне слышится равнодушие к художественному произведению, которое воспринимается им только как документ. Мне кажется, он ошибается и как филолог и как историк».

«Как творил автор «Слова» свое произведение? — спрашивает Д. С. Лихачев. — По Зимину, процесс его творчества крайне своеобразен и не имеет аналогий во всем XVIII веке. Он выбирает из множества памятников отдельные выражения, отдельные образы, слова, формы языка и путем такого рода выборки создает мозаику, искусственную по языку, стилю и образам, которая в результате оказывается «вдохновенной песнью», одной из «горных вершин русской литературы». Кроме того, созданное Иоилем произведение не укладывается в жанровые схемы XVIII в. и не имеет прямых и косвенных аналогий среди других произведений XVIII века. Словом, Иоиль — это фантастическое лицо с фантастическим, ни на что не похожим процессом творчества».

Касаясь вопроса о мотивах, по которым Иоиль якобы обратился к теме похода Игоря, и повода, почему именно этот исторический эпизод лег в основу сюжета «Слова», А. А. Зимин объясняет их следующим образом: «Сюжет песни выбран не случайно. В предисловии к «Задонщине» Пространной редакции вспоминалось время, когда татары «на реке на Каяле одолеша род Афетов, и оттоля Русская земля сидит невесела»⁹. Далее утверждается, что голос автора «Слова» звучал набатным призывом к завершению многовековой борьбы за «Тмутаракань», за обиды, нанесенные русским князьям. В конкретной обстановке 70-х — начала 90-х годов XVIII в. это означало призыв к присоединению Крыма и к победоносному окончанию русско-турецкой войны. Создавая свое произведение как призыв к отмщению за «раны Игоря», Быковский, конечно, знал, что именно в Чернигове был похоронен этот северский князь. Черниговские князья Святославичи наряду со Всеславичами привлекают к себе преимущественное внимание автора «Слова».

О неприемлемости этих доводов А. А. Зимина говорили Н. К. Гудзий, С. В. Шервинский, Д. С. Лихачев, О. А. Державина (Институт мировой литературы АН СССР).

«Такой памятник, — отметил Н. К. Гудзий, — который говорит о крахе, о поражении русских войск, создается в XVIII в., который был заполнен произведениями на тему о героической истории России, о ее военном престиже в XVIII в., когда создается «Россиада», в которой речь идет о завоевании Иваном Грозным Казани. Во сколько раз завоевание Казанского царства было меньшим по своему значению событием, чем Куликовская битва 1380 года! Совершенно естественно, что если в руках воображаемого автора «Слова» был текст «Задонщины» в более совершенном виде, чем те списки, которые до нас дошли, то ему следовало бы этот текст опубликовать как произведение действительно героического эпоса, связанное с величайшим событием русской истории — победой русских войск над татарами. Почему это не сделано?»

Отвечая на критику В. Д. Кузьминой, А. А. Зимин признал убедительность ее доводов относительно невысокого качества сочинений, которые он приписал Быковскому. Тем не менее он попытался использовать этот факт в пользу своей концепции, заявив, что принадлежность «жалких виршей» Конисскому и другим его ученикам, а не Быковскому якобы только подтверждает правильность положения о Быковском как авторе «Слова», поскольку подчеркивает несовместимость заурядных творений с гениальным памятником XVIII в., каким является «Слово». При этом основные аргументы В. Д. Кузьминой и других выступавших против авторства Быковского А. А. Зимин обошел молчанием.

★

В ходе обсуждения был затронут ряд частных вопросов, связанных с определением времени возникновения «Слова». Так, значительное внимание было уделено тому, что автор «Слова» по своим религиозным воззрениям отдает дань как христианству, так и язычеству. А. И. Клибанов вслед за А. А. Зиминим усматривает в этом «странную ситуацию», «противоречивые положения», которые в целом могут склонить в пользу обсуждаемой концепции, поскольку непонятным оказывается обращение автора «Слова» к языческим образам в эпоху утверждения христианской религии в Древней Руси. В этом же плане выступил и В. Б. Кобрин, говоривший, что если бы «Слово» было действительно древним памятником «двоеверия», которое православная церковь упорно преследовала на протяжении всей своей истории, то это преследование коснулось бы и «Слова»; оно было бы поименовано в числе списков запрещенных книг, составлявшихся церковью начиная с XIV века. «Двоеверие» «Слова» в обстановке острой борьбы христианства с язычеством В. Б. Кобрину также кажется весьма странным.

Касаясь этого вопроса, Д. С. Лихачев отметил, что сведения о язычестве, содер-

⁹ Из известных в настоящее время списков «Задонщины» Каяла упоминается только в одном — списке Ундольского.

жающиеся в «Слове», решительно подтверждают его подлинность. Эвгемеризм¹⁰ древнерусского язычества, зафиксированный в «Слове», совпадает с эвгемеризмом древнерусского язычества, отраженным в «Повести временных лет», между тем как представления конца XVIII в. о древнерусском язычестве не соответствуют тому, что дает в этом смысле «Слово».

Поддерживая эту часть выступления Д. С. Лихачева, Б. В. Сапунов (Государственный Эрмитаж) говорил о том, что акт крещения Руси не мог превратить в мгновение ока языческую страну в христианское государство. Принятие христианства явилось началом длительного и сложного сдвига в сознании миллионов людей, тысячами нитей связанных с языческими верованиями. В результате поверхностного усвоения христианства языческой паствой сложилось своеобразное синтетическое мироощущение, названное современниками «двоеверием». Б. В. Сапунов рассказал далее о том, что новый свет на этот вопрос проливает изучение памятников русского прикладного искусства XI—XIII вв., в которых раскрываются «двоеверческие» представления русских людей того времени. Некоторые данные, в том числе археологические, показывают, что подобные представления имели распространение не только среди простых людей города и деревни, но и среди знати. Все это позволяет сделать твердый вывод о том, что «Слово» имеет устойчивое место в общей линии развития русской культуры предмонгольского времени.

Б. В. Сапунов обратил внимание также на художественные особенности «Слова», связанные с его «двоеверием»: точное описание языческих богов, словарный запас, образы молящейся языческим богам Ярославны и вещего князя Всеслава. Сюда же Б. В. Сапунов относит и проникновенное, точное описание природы и животного мира южнорусских степей, что вряд ли, по его мнению, могло иметь место в литературе, созданной в то время под влиянием христианского миропонимания.

Различные мнения вызвали у присутствующих сюжеты, связанные с характеристикой терминологии оружия, которая, согласно взглядам А. А. Зимина, не укладывается в рамки XII века. В. Б. Вилинбахов, например, утверждал, что термин «поющие копь» является в «Слове» явно позднейшим вымыслом, поскольку в XII в. на Руси не знали метательных копий; подозрительным считает он и четырехкратное упоминание в «Слове» сабли, так как в XI—XIII вв. сабля на Руси известна была весьма мало. «Харалужные мечи» В. Б. Вилинбахов понимает как мечи восточные, цельностальные, сделанные из тигельной стали, и считает, что в домонгольской Руси восточное оружие вообще было неизвестно.

А. В. Арциховский сказал, что археологию А. А. Зимин привлекает, когда говорит об истории оружия, но его утверждения сплошь состоят из археологических ошибок. Относительно мечей основных ошибок по крайней мере шесть. Центральный вывод о появлении восточных мечей на Руси в XIV в. основывается на статье В. В. Арндта, но в ней ничего подобного нет. А. А. Зимин считает первичными «харалужные копь» «Задонщины», а «харалужные мечи» «Слова» вторичными. Но копь — дешевое и массовое оружие, что подтверждается всеми археологическими находками. Уже поэтому «харалужные копь» «Задонщины» подозрительны. Здесь взят эпитет мечей из «Слова». Мечей во времена написания «Задонщины» уже не было.

Далее А. В. Арциховский остановился на вопросе о шлемах. А. А. Зимин считает, что «шеломы половецкие не могли быть поскепаны, то есть разбиты в щепы, ибо они были металлическими». Но шлемы домонгольской Руси, равно как и половецкие, редко бывали цельными, чаще составными. Такой шлем состоял из нескольких вертикальных долек. Они склепывались накладными пластинками, то есть не особенно прочно. При сильном ударе шлем раскалывался по линии соприкосновения долек. А. А. Зимин поэтому ошибается, видя здесь поздний домysel. Вопреки мнению В. Б. Вилинбахова сабли неоднократно упоминаются в русских летописях X—XII вв. и хорошо представлены в русских археологических материалах тех же веков.

¹⁰ Эвгемер — древнегреческий писатель и философ, впервые последовательно применивший рационалистический метод толкования мифов (позднее получивший наименование «эвгемеризма»). Эвгемер видел в богах знаменитых людей, обожествленных потомками.

Касаясь вопроса о «поющих копьях», Б. В. Сапунов дал справку о том, что в Ленинграде, в Эрмитаже, имеются метательные копь Древней Руси того периода, наличие которых отрицает В. Б. Вилинбахов.

Среди других сюжетов, вызвавших обмен мнениями, следует упомянуть использование автором «Слова» фольклора. Д. С. Лихачев подчеркнул, что тезис А. А. Зимина об авторе «Слова» как знатоке былин, исторических песен, украинских дум, белорусского, южнославянского фольклора не соответствует действительности. Анализируя произведения писателей и поэтов XVIII в., Д. С. Лихачев показал, что тот фольклорный материал, который использовали они в своих сочинениях, ничего общего не имеет с народностью «Слова».

Наконец, необходимо упомянуть и о дискуссии, которую вызвало понимание А. А. Зиминим сведений о «тмутараканском болване» в «Слове», совершенно произвольно отождествляемом им с известным тмутараканским камнем. Надпись на этом камне он считает позднейшей подделкой, а значит, и «данные» о нем в «Слове» также позднейшими. В достоверности надписи на камне сомневается и выступивший на обсуждении А. Л. Монгайт (Институт археологии АН СССР).

В своем выступлении А. В. Арциховский коснулся этого вопроса и отметил несостоятельность доводов А. А. Зимина, основанных на исследовании А. А. Спицына, который вначале также считал надпись подделкой, но позднее убедился в ее подлинности. А. А. Зимин, цитируя последнего, делает при этом неверные ссылки, представляя его сторонником своей точки зрения. Ссылаясь на неизданную работу А. Л. Монгайта об этом камне, А. А. Зимин утверждает, что начертание ятя, омеги и буквы «в» надписи сделаны не раньше XIII века. А. В. Арциховский, напротив, полагает, что форма омеги слишком редко встречается, чтобы на основании ее делать подобные выводы, а написание ятя и «в» имеет аналогии в XI веке. Не согласен А. В. Арциховский и с тем, что формула «Глеб князь» на камне не встречается в актовом материале до XIV в. и соответствует лишь выражению «Слова» «Игорь князь». А. В. Арциховский отмечает, что слово «князь» в текстах любого века стоит то после имени, то перед ним. Археологические находки показали, сказал А. В. Арциховский, что камень был найден именно там, где находилось Тмутараканское княжество и где до находки камня никто его не помечал.

На вопросе о происхождении термина «бела» в «Слове» остановился В. Л. Янин (Московский университет). Он полагает, что этот термин попал в памятник не ранее последней трети XIII века.

Значительную часть заключительного слова А. А. Зимин посвятил оглашению некоторых извлечений из собранных им предварительно отзывов отдельных научных работников, которых он заранее ознакомил со своей концепцией. Подавляющее большинство авторов этих отзывов не является специалистами по древнерусской литературе и истории. В некоторых из отзывов это обстоятельство прямо и отмечается. Не случайно характерной чертой большинства отзывов является отсутствие каких-либо дополнительных аргументов в поддержку точки зрения А. А. Зимина. Некоторые авторы отзывов прямо указывают, что они не согласны с мнением А. А. Зимина, будто «Слово» — памятник не XII века. Лишь небольшая часть авторов отзывов допускает возможность того, что «Слово» — памятник XVIII в., причем это делается, как правило, в весьма предположительной форме. Несколько определеннее эти авторы солидаризируются с мнением А. А. Зимина о соотношении «Слова» и «Задонщины». Между тем в свете обсуждения концепции А. А. Зимина очевидно, что выводы из его текстологических построений были приняты ими на веру, в то время как в действительности эти выводы основаны на ряде запутанных текстологических сопоставлений, ошибочность которых трудно обнаружить без их детальной проверки.

В остальной части выступления А. А. Зимин, как уже отмечалось, остановился преимущественно на отдельных, частных вопросах, не приведя, по существу, никаких новых данных в защиту своей концепции.

Ряд участников обсуждения (Б. А. Рыбаков, Д. С. Лихачев и др.) после заключительного слова А. А. Зимина выразили неудовлетворение по поводу того, что он оставил без ответа основные возражения.

Подводя итоги обсуждения, академик Е. М. Жуков подчеркнул, что лейтмотив всех выступлений, даже тех немногих, в которых поддерживались отдельные, частные

положения концепции А. А. Зимина, сводится к тому, что ему не удалось доказать правильность своих построений. Е. М. Жуков вместе с тем отметил, что подготовка и проведение обсуждения явились не вполне оправданным расходом средств и времени, поскольку выяснилось, что обсуждаемая концепция не заслуживает того внимания, которое было ей уделено. Опровержение надуманных построений отвлекло на значительное время многих специалистов от текущей работы. Хотя само «Слово» имеет много аспектов, несомненно, требующих дальнейшего изучения, однако, обсуждение, вскрыв несостоятельность рассматривавшейся концепции, показало, что избранное ее автором направление исследования этого памятника совершенно неоправданно.

Научно-исследовательская работа в высшей школе

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙН В РОССИИ

Исторический факультет Ленинградского государственного университета совместно с Ленинградским отделением Института истории АН СССР провели с 23 по 27 декабря 1963 г. в Ленинграде научную сессию, посвященную истории крестьянских войн в России. В работе сессии приняли участие научные работники и преподаватели вузов Москвы, Ленинграда, Киева, Алма-Аты, Свердловска, Волгограда, Ростова-на-Дону, Пскова, Львова, Ужгорода, Ивано-Франковска. На пленарных и секционных заседаниях было заслушано и обсуждено 29 докладов и сообщений по истории крестьянских войн в России, а также по истории крестьянских движений с X по начало XIX века. Таким образом, на сессии фактически подвергся рассмотрению весь комплекс проблем истории классовой борьбы крепостного крестьянства в период феодализма.

С докладами, посвященными наиболее общим вопросам истории крестьянских войн и классовой борьбы, выступили на двух пленарных заседаниях А. Л. Шапиро, А. А. Зимин, В. В. Мавродин, Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов и И. Г. Рознер. В докладе А. Л. Шапиро (ЛГУ) «О тезисе: «крестьянские войны расшатывали феодальный строй» была высказана мысль о том, что исследователи обычно неправомерно подменяют конкретное изучение исторической роли крестьянских войн в России расплывчатой формулой о расшатывании устоев феодального строя. Ф. Энгельс, изучая крестьянскую войну в Германии, не пользовался этой формулой и тем не менее дал глубокий классовый анализ результатов войны. Докладчик проанализировал итоги крестьянских войн в России в XVII—XVIII веках.

В начале XVII в. царское правительство вынуждено было пойти на временные уступки крестьянству. Но они не могли изменить общую линию усиления крепостнической эксплуатации и укрепления диктатуры феодалов-крепостников. Крестьянская война под предводительством С. Разина не ознаменовалась даже временным смягчением крепостнического законодательства. Значит, и в этом случае более правомерно усматривать существенное усиление классового антагонизма, а не расшатывание феодального строя. Более сложными представляются А. Л. Шапиро последствия крестьянской войны 1773—1775 годов. Но говорить о заметном ослаблении крепостнической эксплуатации, об изменениях в крепостническом законодательстве непосредственно после войны не приходится. Восстания С. Разина и Е. Пугачева, а также не прекращавшиеся в XVII—XVIII вв. другие народные движения побуждали господствующий класс консолидировать свои силы и укреплять основные устои и опору своего господства — крепостническое государство. Историческую роль крестьянских войн докладчик усматривает прежде всего в том, что они обостряли противоречия

крепостнической системы, делали их более непримиримыми, а расстановку классовых сил — более четкой и определенной. Значение крестьянских войн заключается также и в том, что они способствовали накоплению боевых традиций в народных массах, а крестьянская война 1773—1775 гг. способствовала зарождению и развитию революционной идеологии.

С докладом «Основные этапы и формы классовой борьбы в России в конце XV—XVI в.» выступил А. А. Зимин (Институт истории АН СССР). Он подчеркнул, что процесс складывания и укрепления русского централизованного государства сопровождался ростом классовой борьбы. В XIV—XV вв. важнейшей формой социального протеста русского крестьянства были побег, вследствие чего уже к концу этого периода основные территории Северо-Восточной Руси оказались колонизованными. В конце XV — начале XVI в., по мнению А. А. Зимина, ведущей формой классовой борьбы в деревне стало сопротивление крестьян распространению церковно-монашеского землевладения. Одновременно в городе происходил подъем реформационного движения. С начала XVI в., после разгрома русских вольнодумцев в Москве и Новгороде, в обстановке экономического подъема наблюдается временный спад классовой борьбы горожан и крестьян, продолжавшийся до 30-х годов XVI века. Середина XVI в. — время нового подъема реформационного движения, крестьянских волнений и городских восстаний, достигших большого размаха в период опричнины. Конец XVI в. (1573—1598 гг.), охарактеризованный А. А. Зиминим как преддверие крестьянской войны, был ознаменован резким обострением социальных противоречий в деревне и волной городских движений. После присоединения к Русскому государству Среднего и Нижнего Поволжья против национального и социального гнета выступают мари, мордва и другие народы Поволжья. Их движение, перекликавшееся в отдельных районах с выступлениями русских крестьян, заметно усилилось к концу XVI века.

В докладе В. В. Мавродина (ЛГУ) «Основные проблемы исследования крестьянской войны 1773—1775 гг.» освещен круг вопросов, которыми занимается коллектив авторов четырехтомного труда «Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева»¹. Специфику данной крестьянской войны В. В. Мавродин видит в том, что она имела место в период зарождения и развития буржуазных элементов в городе и деревне, в эпоху начала разложения крепостнической системы в России. Однако выдвинутый некоторыми советскими исследователями тезис о пугачевском восстании как «ранней буржуазной революции» не может быть принят. Весьма важным является вопрос о том, к какому непосредственному результату могла привести крестьянская война под предводительством Пугачева в случае ее победы. По мнению В. В. Мавродина, были возможны два пути: феодальное перерождение руководящей верхушки восстания; развитие буржуазных отношений в стране. Решению этого вопроса должны помочь исследования в области возникновения и становления капиталистического уклада. Огромное значение, подчеркнул В. В. Мавродин, имеют также следующие проблемы: социальные чаяния и стремления восставших; осуществление лозунгов крестьянской войны на территориях, охваченных восстанием; соотношение стихийности и сознательности, организованности, сплоченности, присущее данной крестьянской войне; формы политической жизни, складывающиеся на освобожденной от феодалов и правительственной администрации территории; зачатки государственности, возникшие в ходе восстания; участие в крестьянской войне 1773—1775 гг. различных категорий рабочих людей; взаимоотношение и взаимопроникновение социального и национального факторов в движении нерусских народностей в период восстания Пугачева; эволюция социальных стремлений и военной организации казачества, являвшегося застрельщиком грандиозного народного антикрепостнического движения; последствия крестьянской войны 1773—1775 гг. и ее место в истории России.

Е. И. Индова, А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов (Институт истории АН СССР) выступили с докладом «Об идеологии и организации народных движений в России XVII—XVIII вв.». Докладчики обратили внимание на эволюцию программных лозунгов народных движений. Если абсолютизм, реагируя на нараста-

¹ Первый том этого труда уже вышел из печати: В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. I. Л. 1961.